

КОЛЛЕГИАЛЬНО РАЗДЕЛЕННАЯ ВЛАСТЬ И УСЛОВИЯ ПОЭТАПНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Н.С. Розов

Относительно перспектив демократии в России наиболее распространены две диаметрально противоположные точки зрения. Первая — настоящая демократия в России с ее особой историей, “рабской” или “славной имперской”, невозможна (и не нужна, добавляют стражи державности). Вторая — в России, пусть нескоро, трудно и специфично, с возвратами и зигзагами, но осуществится демократический транзит, поскольку это общая магистральная линия цивилизованного развития.

Противоположные позиции имеют одну сходную черту, которую можно назвать историческим фатализмом, или автоматизмом: России *суждено* либо первое, либо второе. В настоящей статье речь пойдет об альтернативной позиции, отвергающей предпосылку фатальности и автоматизма.

В самом общем виде исходную мысль можно сформулировать следующим образом. Будущее открыто. Несмотря на могучие факторы циклического возобновления авторитаризма (пресловутой “Русской системы” [Пивоваров, Фурсов 1999; Розов 2006; Дубовцев, Розов 2007: 8-23]), некие, правда, весьма слабые и отдаленные, возможности демократизации России существуют. Их реализация будет зависеть от внешних и внутренних *структурных условий*, а также от так наз. *процедурных факторов* — характера поведения и взаимодействия значимых политических акторов, в том числе правящих элит, бизнеса и групп населения [ср. Мельвиль 1999].

Данная мысль подозрительно схожа с тавтологией (“больной либо умрет, либо останется жив”). Содержательной она оказывается при спецификации структурных и процедурных причин становления демократии и последующей оценке имеющихся и ожидаемых условий в современной России.

В настоящей статье мы попытаемся зафиксировать ключевые критерии, по которым можно судить, насколько демократично то или иное политическое устройство, и аргументы в пользу утверждения демократии в России. На этой основе будет дана развернутая политико-социологическая трактовка сущности демократии, основанная на идее “коллегиально разделенной власти”, и проанализировано существо российского демократического транзита, его развилки и альтернативные векторы его политической динамики. Наконец, мы попытаемся очертить основные направления деятельности по формированию оптимальных условий реальной (не имитационной) демократии в России.

КРИТЕРИИ ДЕМОКРАТИИ

Сформулируем *главные критерии*, по которым можно судить, насколько демократично то или иное политическое устройство:

1) наличие у граждан реальных возможностей прямо или через своих представителей принимать законы и производить смену исполнительной власти; соответственно, последняя подотчетна гражданам и/или их избранным представителям; существуют эффективные механизмы смены представителей власти любого уровня гражданами и/или их избранными представителями¹;

2) наличие публичной политики как проявления конкурентной борьбы групп, партий за признание и голоса граждан; передача и перераспределение власти путем назначений “сверху” осуществляются только в заданных временных рамках и границах полномочий, тогда как ключевые властные позиции занимаются соответственно уровню общественного доверия — по результатам выборов;

3) осуществление на практике принципа разделения властей; реальная независимость судебных и законодательных органов от исполнительной власти; судей и избранных представителей (депутатов) не могут принуждать или контролировать назначенные государственные служащие (чиновники);

4) фиксация и реальное соблюдение формальных правил равноправного политического взаимодействия и ротации власти; данная система правил, с одной стороны, открыта для участия (не позволяет исключать из политической борьбы неудобных), а с другой — дает равные возможности (не позволяет никому получать заведомые преимущества, например, с помощью административного ресурса, принуждения и пр.);

5) обеспечение прав и свобод граждан, наличие действенных механизмов, позволяющих гражданам, их избранным представителям и независимым судам привлекать к ответственности любых представителей власти, ущемляющих эти права и свободы либо не обеспечивающих их должную защиту.

Остроумный критерий, по А.Пшеворскому: “демократия — это такое политическое устройство, в котором правящая партия может проиграть выборы” [Пшеворский 2000], — следует расценивать как вполне операционализируемый диагностический признак.

НУЖНА ЛИ ДЕМОКРАТИЯ ВООБЩЕ?

Недостатки демократического устройства хорошо известны: дороговизна, неповоротливость, склонность к бюрократизации, издержки ротации власти, неизбежное сращивание партийной политики с крупным капиталом, наибольший выигрыш буржуазного класса, соскальзывание к делегативности и политической пассивности большинства населения и т.д.

Но есть несколько доводов, перевешивающих эти пороки демократии и подкрепляющих знаменитый афоризм Черчилля: остальные режимы “еще хуже”. Несмотря на множественность альтернатив (традиционные патримонии, разные типы монархий, деспотии, тоталитарные режимы, военные диктатуры и пр.), все типы недемократического устройства имеют то общее, что мы называем авторитаризмом (в широком смысле):

— у населения нет возможностей влиять на законы и легитимно, без восстаний и насилия, менять исполнительную власть;

¹ Стандартные формулы, являющиеся синтезом классических и современных представлений [Локк 1988; Шумпетер 1995; Даль 2003; Карл, Шмиттер 1993: 29-45; Гельман 2001; Мизес 2001; Меркель, Крауссан 2002] дополнены указанием на операциональные механизмы, необходимые для различения реальной демократии и привычной нам имитационной.

- публичная политика как конкуренция групп и партий, апеллирующих к обществу, отсутствует либо деформирована и сугубо декоративна;
- отсутствует реальное разделение властей, причем исполнительная власть обычно либо сливается с законодательной и судебной, либо подчиняет их себе; власть либо вообще обходится без избранных представителей народа, либо они находятся под контролем чиновников;
- формальных правил регулярной ротации власти нет вообще, либо при наличии таких правил в имитационных демократиях результат смены власти заранее известен, так как правящая группа манипулирует этими правилами в свою пользу, а смена власти происходит в результате закулисного, неформального сговора;
- нет надежного обеспечения прав и свобод граждан, которые остаются беззащитными перед властью; суды либо не способны их защитить, либо сами служат орудиями подавления прав и свобод в руках исполнительной власти.

Главный довод в пользу демократии носит политический характер: демократия – это противоядие от соскальзывания политической системы либо к диктатуре и государственному насилию, либо к хаосу и анархическому насилию. Следует отметить связь афоризма Черчилля с глубокой и нетривиальной мыслью либеральной политической философии: *дело политики – не привести людей в рай, но не допустить ада*. Демократию справедливо критикуют за то, что она не приводит к “раю” и не гарантирует его установления. Зато она препятствует узурпации власти, стагнации системы и ее кризисным обвалам, за которыми как раз и следует социальный “ад” – массовое насилие, вначале анархическое (“революционное”), а затем исходящее от новых узурпаторов.

76

Второй довод носит системный характер: демократия обеспечивает наиболее эффективную обратную связь власти с интересами разных групп граждан. По словам Л. фон Мизеса, “демократия – это такая форма политического устройства, которая позволяет приспособлять правительство к желаниям управляемых без насильственной борьбы” [Мизес 2001]. В авторитарных обществах функция обратной связи либо подавлена, либо реализуется в устаревших и неэффективных формах жалоб, усиления вертикального контроля, количественного роста отчетности и бюрократических проверок: такой “вертикальный контракт” имманентно неустойчив [Аузан 2004].

Третий довод – демократия в качестве фактора экономической эффективности [Липсет, Сен, Торрес 1993: 28] – следует признать довольно слабым и неочевидным. Традиционные демократии (США, Канада, страны Западной Европы, Австралия, Новая Зеландия и др.) действительно весьма эффективны в экономике. Но есть случаи как политико-экономических провалов демократий (драматическая история французских республик, Временного правительства в России, Веймарской республики в Германии), так и экономически эффективного авторитаризма.

Четвертый довод, насколько нам известно, не имеет надежного эмпирического подтверждения, но теоретически вполне обоснован: демократии более оперативно и эффективно отвечают на новые вызовы. В современную эпоху такие вызовы становятся все более частыми и требовательными, поэтому демократическое устройство выступает не только морально-политическим, но и эволюционным императивом.

Способность демократий отвечать на сложные вызовы обусловлена, во-первых, наличием публичной политики, соответственно, представленностью в общественном сознании разных позиций, идей, дискуссий относительно вызовов, угроз и возможностей, оценок стратегий и решений, во-вторых, наличием механизмов воплощения победивших в полемике идей и стратегий в реальной политике, легитимной сменой власти при неудачах [Гайдар 2006].

Характерные для авторитарных режимов закрытые бюрократические способы выявления и решения подобных проблем недостаточно эффективны, что хорошо видно на примере Японии, где демократия во многом имитационна и где задача перехода к постиндустриальному обществу оказалась сопряжена с затяжной стагнацией. Успехи развития стран с авторитарными режимами – Китая, Сингапура, Объединенных Арабских Эмиратов, Казахстана – также, по-видимому, временны. Если же этим странам удастся преодолеть “постиндустриальный рубеж”, то нужно будет корректировать наши представления о безальтернативности демократии и искать в успешных режимах особые структуры и механизмы, функционально замещающие демократическую открытость и гибкость.

ПРИЧИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСПЕХА АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ

Обратимся к концепции успешного авторитаризма, предложенной исследователями из Лондонской школы экономики Т.Бесли и М.Кудамачу [Besley, Kudamatsu 2007]. В качестве критериев успеха учитывались экономический рост, уровень развития образования, количество публичных благ, предоставляемых авторитарным (в т.ч. автократическим) режимом.

Наиболее успешными были признаны Южная Корея (1963-1972), Греция (1949-1967), Пакистан (1962-1969), Малайзия (1971-1995), Турция (1954-1960), Франция (1958-1969), Камбоджа (1998-2004), Бразилия (1947-1958), Шри Ланка (1982-2001), Таиланд (1978-1988) и Китай (после 1979 г.).

За основу своего исследования Бесли и Кудамачу взяли концепцию *селектората* как группы людей или целых социальных слоев, которые сами не находятся у власти, но определяют, кто именно должен у нее находиться [см. Bueno de Mesquita et al. 2003]. Фактически, селекторат – это некие центры силы, держатели важнейших ресурсов, как правило, семьи, кланы, финансово-промышленные группы, авторитетные группировки со специфическим потенциалом (например, генералы или церковные иерархи), которые способны в какой-то мере дисциплинировать власть, даже если извне она предстает как “чистая” автократия или диктатура. В упрощенном виде вывод Бесли и Кудамачу выглядит так: *авторитарные системы, в том числе автократии, успешны только в тех случаях, когда имеется сильный селекторат, который трудно или невозможно репрессировать или подкупить.*

Другой важный момент [Дмитриев 2007] – кардинальное различие в экономической эффективности авторитарных режимов на стадии догоняющего, индустриального развития (нередко весьма высокой, как в Япония до начала 1990-х годов, “тиграх” ЮВА, современном Китае) и на стадии инновационного, постиндустриального развития (неизменно низкая, о чем, в частности, свидетельствуют пример современной Японии).

Эти общие выводы имеют прямое отношение к России.

Во-первых, надежды на эффективность централизованной “вертикали власти” в обеспечении социально-экономического развития если в какой-то мере и оправданы, то только на стадии и в отраслях догоняющего, индустриального развития. Потенциал такого развития будет в основном исчерпан уже к 2012–2015 гг. [там же], тогда как несоответствие политической системы требованиям инновационного развития будет только нарастать.

Во-вторых, при отсутствии сильного, самостоятельного селектора, способного дисциплинировать авторитарную власть, последняя будет и дальше разлагаться, что станет очевидным при истощении нефтедолларового дождя. В России глубоко укоренилась практика “опалы” и размашистых властных переделов: вспомним судьбы боярских родов при Иване Грозном, судьбы В.Гусинского, Б.Березовского и М.Ходорковского — в нашей недавней истории. При смене верховной власти такие переделы получают неизменное одобрение со стороны лишенного собственности населения. Данный фактор не позволяет рассчитывать на восстановление в России в обозримом будущем самостоятельного селектора, который нарождался в 1990-х годах (пусть даже в малопрезентабельной форме олигархической “семибанкирщины”), а в 2000-х был если не уничтожен, то деморализован и подавлен. И если так, то авторитарный путь к развитию и процветанию для России закрыт, а попытки власти сохранить “стабильность” закономерно приведут к стагнации, кризису и последующей, традиционной для российской истории, “болезненной цикличности” [Розов 2006].

В-третьих, как бы ни были слабы и эфемерны надежды на становление в России *реальной* демократии, только она может стать основой будущего здорового и полноценного развития.

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА

Ключ к пониманию социальной сущности демократии дает парадоксальная формула Б.Франклина: “Демократия — это договоренность о правилах поведения между хорошо вооруженными джентльменами”². В ней присутствуют три явных и два латентных компонента сущности демократии.

Первый *явный* компонент — центрированность на правилах как результате договоренностей (ничего о народном благе, о счастье для каждого, о высших ценностях и идеалах, о справедливости, естественных правах, лучших представителях нации и т.п.).

Второй — указание на реальное равенство, хотя бы примерное, договаривающихся о правилах сторон. Иными словами, горизонтальный характер договоренностей.

Третий — наличие у договаривающихся сторон автономных ресурсов силы (“хорошо вооружены”), с которой считаются, но которую не пускают в ход, отдавая предпочтение договорам и поведению в соответствии с правилами.

Первый *латентный* признак — наличие у джентльменов собственности и признание ими *прав собственности вообще* как гарантии сохранения *своей собственности*.

Второе, тоже латентное, качество заключено в подразумеваемых морально-политических качествах “джентльменов”. Чтобы почувствовать их зна-

² Выражаю благодарность А.Аузану, указавшему мне на этот афоризм [см. Аузан 2007].

чимость, следует подставить в формулу Франклина любых антиподов джентльменства, например, люмпенов, мужиков, холопов, жуликов, шпану.

Именно в джентльменстве оказались сокрыты следующие, явно позитивные, характеристики договаривающихся сторон:

— джентльмен уважает честную игру на равных и выполняет условия договора (“джентльменское соглашение”);

— джентльмен уважает другого джентльмена, не будет мстить ему, унижать и уничтожать его, отбирать у него собственность, даже когда выиграет;

— джентльмен не теряет лицо, для него важна публичность, поэтому он преследует не только и не столько личные эгоистические интересы, но и интересы сообщества, по меньшей мере, сообщества других джентльменов;

— настоящий джентльмен всегда патриот своей страны, уважающий ее граждан и дорожающий их уважением, он хочет жить в сообществе других джентльменов, которые признают его достоинство и с которыми можно надежно договариваться, поэтому патриотизм для него — это еще и разумный эгоизм.

Созданный здесь идеалтипический образ джентльмена настолько возвышен и светел, насколько, вероятно, далек от исторической реальности Великобритании и Америки эпохи Франклина, не говоря уж о других частях света, других эпохах и традициях.

При обсуждении вопросов демократического транзита одна из самых безнадежных позиций — морализаторство: вначале совершенствуйтесь нравственно (например, станьте цивилизованными джентльменами) и только потом можете надеяться на демократизацию. Более продуктивным представляется социологический подход, согласно которому сами нравственные (например, “джентльменские”) качества являются продуктами определенных социальных структур и практик. Поэтому, не забывая об указанных выше джентльменских добродетелях договаривающихся сторон, обратимся к более поздним трактовкам сущности демократии.

Й.Шумпетер считал характерной чертой демократического правления наличие элит, конкурирующих между собой в борьбе за голоса избирателей [Шумпетер 1995]. Очевидно, что здесь шумпетеровские “конкурирующие элиты” играют ту же роль, что и франклиновские “джентльмены”.

Р.Даль утверждал, что в основе демократии лежит полиархия — соревнование, открытое для участия. Фактически, здесь имеется в виду политическая конкуренция, соревнование между центрами силы [Даль 2003].

Р.Коллинз, развивая идеи Шумпетера об элитах и Далья о полиархии, пришел к выводу, что сущность демократии — это коллегиально разделенная власть [Collins 1999: 114].

Коллегиально разделенная власть (далее — *КРВ*) — это не коллегиальный орган власти типа Политбюро ЦК КПСС, правительства РФ или администрации президента, но *взаимосвязь нескольких взаимно ограничивающих друг друга властных органов*, каждый из которых осуществляет определенный набор функций (например, судопроизводство или законотворчество) и может представлять те или иные заинтересованные в политике силы — влиятельный слой, большую группу населения, часть страны, всех избирателей и т.п.

Коллинз пояснял понятие КРВ через воображаемый континуум. Его нижний полюс занимает централизованная иерархия подчинения во главе с

автократом. По мере повышения уровня КРВ растет число коллегиальных структур и их доля власти в сравнении с властью центральной иерархии (очевидно, неустранимой даже в федеративном государстве).

Какая социальная структура стоит за формальным политическим разделением властей? Это ни что иное, как *селекторат* — коалиция центров силы, о которой писали Буэно де Мескита, Бесли и Кудамацу. Именно тот самый селекторат (“элиты”), который в определенные, правда, довольно короткие, периоды обеспечивает эффективность авторитаризма для социального и экономического развития, *при некоторой добавке* может дать импульс к демократическому транзиту. Что же это за *добавка*?

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ – СЛЕДСТВИЕ ОДНОЙ ИЗ СТРАТЕГИЙ ЦЕНТРОВ СИЛЫ

Будем исходить из известного тезиса о том, что демократия возникла как “случайный итог” [Przeworski 1988: 79-80] или “побочный продукт” политической борьбы [Rustow 1970: 337-363; Weingast 1997: 245-263; Collins 1999; Гельман 2007], точнее, стратегий борьбы между центрами силы в исторически сложившейся ситуации полиархии.

Рассмотрим базовые интересы и главные стратегии центров силы, обладающих примерно равными политическими ресурсами (богатством, легитимностью, организационными структурами, инструментами насилия). В их основе — стремление сохранить имеющиеся ресурсы, а также создать такое политическое устройство, которое минимизировало бы риск потери ресурсов и способствовало бы их увеличению.

80

На первый взгляд, лучшая стратегия — победить и подавить остальные центры силы, захватить верховную власть, лишить всех возможных соперников их ресурсов и жить припеваючи. Эта *узурпаторская стратегия* (“победитель получает все”) характерна для организаторов путчей, заговоров и переворотов. Новые режимы редко бывают долговременными и практически никогда — социально и экономически эффективными, поскольку в ходе их становления уничтожается селекторат.

Следующую, более мягкую стратегию можно назвать *коалиционно-авторитарной*. Центры силы договариваются между собой о правилах и ограничениях в борьбе, которые касаются, в первую очередь, запрета на политические репрессии и отъем собственности (ср. “демократия элит”, “пакты”, “картельные соглашения” [Гельман 2007]). Предпринимаются также шаги к формальному или негласному ограничению власти верховных правителей. Коалиция центров силы заинтересована в стабильности положения в стране, поэтому она использует разного рода рычаги для “дисциплинирования” верховных правителей (например, ограничивает налоговые тяготы или даже принуждает к прогрессивным экономическим новациям). Именно наличие сильного и национально-ориентированного селектората, согласно Бесли и Кудамацу, обуславливает экономическую успешность авторитаризма в период индустриализации.

К порокам подобного мягкого и временами эффективного авторитаризма можно отнести неустойчивость социального равновесия, систематические кризисы при смене правителей, недостаточность гарантий против узурпации власти, неодолимое стремление элит к эксплуатации масс. Все это рано или поздно приводит к социальным взрывам [Гайдар 2006]. Для самих центров

силы основной дефект такого устройства заключается в сложности, а зачастую и невозможности сохранить коалицию и выработанные в ее рамках соглашения и ограничения при уходе их авторитетных создателей в лучший мир.

Вместе с тем, в условиях такого авторитаризма был найден магистральный цивилизационный путь смягчения встрясок при смене власти. Эту функцию взяло на себя формальное, писаное право – своды законов, или кодексы. Центральное место в них, как правило, занимали нормы, регулировавшие порядок и процедуры лишения свободы и собственности, наложения телесных наказаний вплоть до смертной казни. При этом лица, не нарушавшие законы, в том числе представители центров силы, могли апеллировать к кодексу в случаях преследований, например, по политическим мотивам. Однако в условиях авторитаризма даже самые совершенные кодексы не дают надежных гарантий от политических пертурбаций. Верховная власть при авторитарной системе может либо воздействовать на судей, либо заменить их, либо менять к своей выгоде сам свод законов.

Для России с укоренившейся здесь практикой радикальных переделов при смене верховной власти путь авторитаризма особенно бесперспективен. Именно с помощью таких переделов и репрессий “русская власть” раз за разом эффективно уничтожала нарождающийся селекторат, чтобы не быть никому и ничем обязанной, никем и ничем ограниченной [Пивоваров, Фурсов 1999; Дубовцев, Розов 2007]. Ей всякий раз не хватало той самой необходимой и достаточной для успешного социального развития *добавки*, которая направляет политическое поведение центров силы (селектората) в сторону демократии. Назовем соответствующую стратегию центров силы *конституционалистской*. Они избирают ее с целью оградить себя от произвола верховной власти в сфере законодательства и судопроизводства, отстаивая принцип *разделения властей* и, прежде всего, – независимости законодательных и судебных органов от исполнительной власти.

Каким образом центры силы обеспечивают при этом гарантии сохранности важных коалиционных соглашений, ограничений верховной власти, своей способности влиять на нее, сменять ее при смене политических поколений? Через распространение формальных сводов законов, определяющих политическое устройство, через жесткие писанные *правила регулярной ротации власти* (ср. “борьба по правилам” [Гельман 2007]).

Каждый центр силы стремится получить максимальный контроль над государственным аппаратом. Кто же тогда может выступать в роли верховного арбитра? Исторически ответами на этот вопрос были “воля богов” (обращение к оракулам, жрецам, церковным авторитетам), поочередная ротация, выборы на закрытых заседаниях представителей и лидеров тех самых центров силы (дожей, бояр, родовитых аристократов, крупнейших землевладельцев, военачальников, позднее – банкиров и промышленников). Однако к демократии ведет только апелляция к обществу как верховному арбитру и, соответственно, появление *публичной политики как состязания* политиков, групп, партий за доверие граждан. Закрываемый при этом “*хороший пакт*” (гласные, формальные и открытые для новых участников правила) противостоит “*плохому пакту*”, правила которого носят неформальный характер, устанавливаются тайным сговором и запрещают доступ аутсайдерам. В результате центры силы

начинают оценивать вес и влияние друг друга не по родовитости, количеству земли, крепостных душ, капиталов, “калибру кольта”, а по *общественному признанию*. Отсюда — значимость выборов и голосования, через которые это признание измеряется и трактуется как уровень легитимности избранных.

Взаимный контроль центров силы принуждает к *честной игре*. Честность выборов поддерживается заинтересованностью основных политических игроков, прежде всего, партий, в контроле над тем, чтобы никто не получил слишком высокую и при этом не основанную на доверии граждан легитимность. Нарушение формальных правил *честной игры* чревато для политических игроков “потерей лица” и делегитимацией. Разумеется, роль свободной прессы, общественного мнения, политической культуры также велика, но именно эффект взаимоконтроля участников селектората, а также органов и акторов КРВ представляется структурно главенствующим.

Таким образом, сущность демократического транзита представляется двоякой (а сам переход, вероятно, двухэтапным). Прежде всего, должна появиться *устойчивая коалиция центров силы* (селекторат). Далее эти центры силы должны выбрать *конституционалистскую стратегию*, включающую механизмы: 1) разделения властей; 2) регулярной ротации власти; 3) публичной политики как открытого состязания за признание (голоса) граждан.

ОСНОВНЫЕ РАЗВИЛКИ НА УЗКОЙ ТРОПИНКЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Несложно показать, насколько сегодняшняя Россия далека от реальной демократии, более того, насколько ее условия далеки от благоприятствующих демократизации, насколько малы ее шансы на демократическое развитие. Тем не менее, представляется весьма важным определить априорно, какая последовательность структурных изменений могла бы привести к демократии, и выделить в этой последовательности главные развилки (точки бифуркации).

Пользуясь формализацией Р.Даля [Даль 2003], развернем его бинарные переменные “нет участия/есть участие” и “нет конкуренции/есть конкуренция” в более дробные шкалы — “масштаб участия” и “качество конкуренции” (см. рис. 1). Пунктирными линиями на рисунке обозначены наиболее вероятные исходы “негативных” альтернатив, ведущих к диктатуре вследствие борьбы по принципу “победитель получает все” и к слабому авторитаризму в результате сговора — закрытых картельных соглашений.

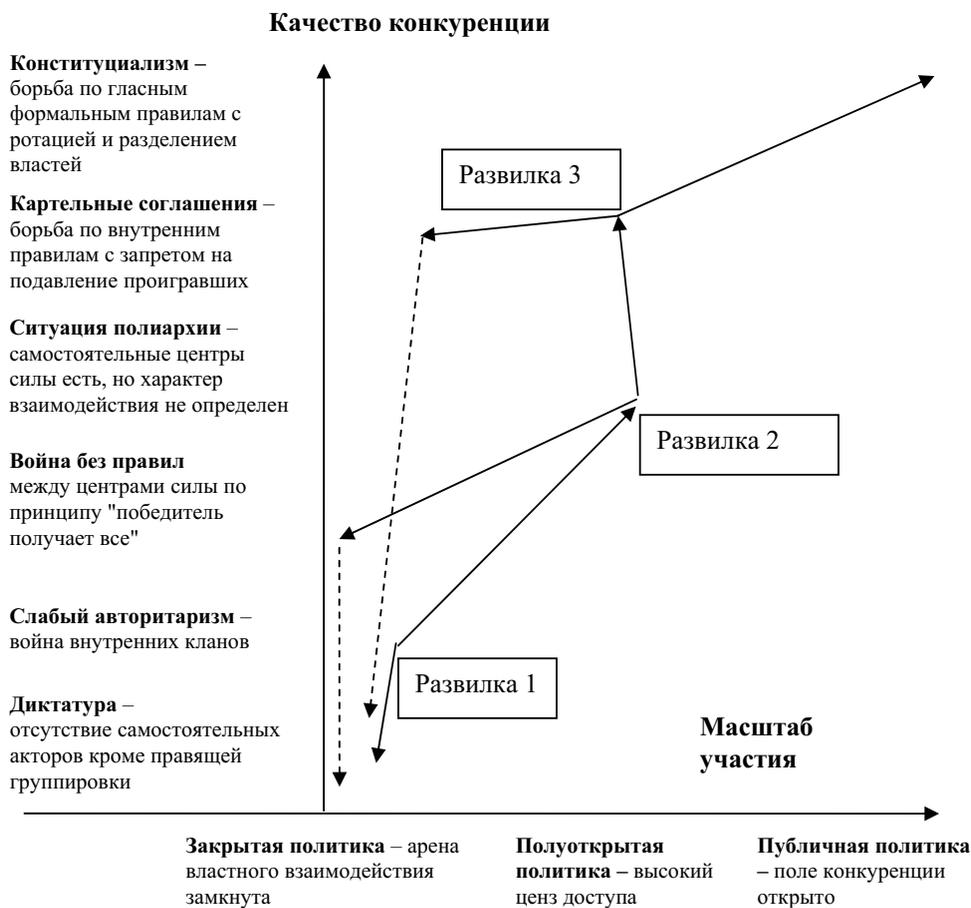
В этом параметрическом пространстве удобно отобразить первые три развилки. Тот же путь можно представить в виде единственной траектории, проходящей через разветвляющийся лабиринт комнат, причем из каждой комнаты можно пройти дальше, только выбрав одну из двух дверей (*развилка*). Подлинная и устойчивая демократия устанавливается лишь при “позитивном” выборе пути в каждой комнате.

Первая “комната” обозначает системный кризис. Без такого кризиса факторы существенных изменений политического режима в современной России не просматриваются: оппозиция практически отсутствует, население политически пассивно и в большинстве своем лояльно авторитарной власти, даже в случае возникновения недовольства от него скорее следует ожидать не требований демократизации, а поклонения новым популистским лидерам. О том, что страна будет неминуемо втянута в кризис (в первую “комнату” с раз-

вилкой), предупреждают многие аналитики [см., например, Яковенко 2002; Аузан 2004; Белоусов 2005; Деягин 2005].

Рисунок 1

**Первые три развилки становления реальной демократии
в параметрическом пространстве “масштаба участия” и “качества конкуренции”**

Шанс России на установление реальной, а не имитационной, демократии определяется успешным прохождением ею пяти развилок (на рис. 1 приводятся только три первые из них).

1. “*Следствия кризиса: новый захват власти или полиархия*”.

Политическим итогом надвигающегося системного кризиса и деструкции нынешнего режима может стать захват полноты власти новой авторитарной группировкой либо появление автономных центров силы с сопоставимыми ресурсами. Формирующаяся полиархия изначально не является “закрытым клубом”. Центрами силы становятся те, кто по факту обладает достаточной организационной, финансовой, силовой мощью и популярностью. Поэтому появление полиархии – это, непременно, сдвиг по шкале масштаба уча-

ствия к ступени “высокий ценз силы и ресурсов”. Вопрос, требующий специального обсуждения: каковы возможные и наиболее вероятные претенденты на роль таких центров силы? Будут ли это партии? Гражданские структуры? Общественные объединения солдатских матерей, автомобилистов, владельцев садовых участков и т.п.? Противостоящие друг другу “силовики”? Финансово-промышленные группы? Крупные государственные корпорации? Союзы губернаторов? Бизнес-сообщества разного уровня? Будущие независимые профсоюзы? Составные коалиции этих акторов? Список открыт.

2. “*Характер борьбы за власть: война или состязание*”.

Новые центры силы вступают в борьбу на уничтожение (“победитель получает все”) либо заключают взаимоприемлемые соглашения об ограничении переделов и о возможности для проигравших оставаться на политической арене. В зависимости от этого либо резко сокращается количество акторов и падает качество конкуренции (борьба на уничтожение чревата установлением диктатуры), либо сохраняются основной состав акторов и масштаб участия, а также повышается качество конкуренции.

3. “*Характер состязания: сговор или публичная политика*”.

В политической борьбе ставка может быть сделана либо на создание закрытых группировок, на силовые, закулисные, бюрократические действия, либо на публичную политику как честную игру по формальным правилам, где результаты выборов не predeterminedены и на их основе происходят реальные ротация и перераспределение власти. В первом случае круг акторов (“клуб игроков”) замыкается, соответственно, снижается масштаб участия (новичков не допускают) с вероятным последующим сползанием к слабому авторитаризму. Во втором случае политическое поле открывается для новых игроков, общество осваивается с ролью политического арбитра.

4. “*Результат публичной политики: успех или неуспех демократически избранной власти*”.

Новая группировка, пришедшая к власти демократическим путем, в зависимости от внешней конъюнктуры либо будет эффективной и успешной, либо окажется неэффективной, что будет сопряжено с делегитимацией самих демократических правил и откатом к авторитаризму.

5. “*Следствия успеха: получившая признание власть сохраняет себя или сохраняет правила ротации*”.

Новая успешная, получившая общественное признание власть может либо выбрать путь закрепления своей монополии, подавляя оппозицию, умаляя значение и упраздняя публичную политику как *честную игру*, либо сохранить формальные правила и пойти на очередные выборы, будучи готовой их проиграть.

УСЛОВИЯ ВЫБОРА ПОЗИТИВНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ

Каковы же общие гипотетические условия позитивного, ведущего к установлению реальной устойчивой демократии выбора для первых трех развилок?³ Обозначим их, проверяя и корректируя на материале политической истории и сравнительной политики и рассматривая в качестве основы формирования повестки дня демократически ориентированных групп.

Структурные условия *первой развилки*, способствующие становлению полиархии как политического итога системного кризиса (1А):

- низкий уровень насилия в период кризиса (при высоком уровне насилия борьба по инерции шла бы “до победного конца”);
- опыт сохранения основных позиций и ресурсов у проигравших (остальные игроки уже меньше боятся проигрыша);
- дискредитация надежд на “сильную руку” и централизацию власти среди элит и населения;
- распределение силовых ресурсов по нескольким центрам – патовая ситуация, при которой ни один из игроков (центров) не способен подавить остальных [Collins 1999].

Процедурные факторы, или нормы *первой развилки*, которые должен содержать договор между центрами силы (1Б):

- минимизация насилия, мирное коллегиальное разрешение споров и конфликтов;
- защита собственности, отказ от неправовых переделов и экспроприации ресурсов;
- совместное противостояние попыткам монополизации власти любым игроком (центром силы), запрет на проекты политического устройства, чреватые такой монополизацией и подавлением иных политических игроков.

Структурные условия *второй развилки*, способствующие превращению борьбы за власть между центрами силы в состязание “по правилам”, а не по принципу “победитель получает все” (2А):

- опасности и издержки попыток подавления конкурентов существенно выше, чем издержки вынужденного сотрудничества с ними [Гельман 2007];
- высокая неопределенность в распределении сил и ресурсов, в возможности создания доминирующих коалиций; чтобы обезопасить себя от проигрыша, акторы более склонны к борьбе по правилам, чем к войне без правил [Пшевровский 2000; Рыженков 2006];
- накопление практического опыта и развитие способностей к горизонтальным переговорам, политическому торгу;
- успешный опыт обеспечения внутреннего порядка согласованными усилиями центров силы (преодоление “комплекса Рюрика”: “приди и правь нами”, “барин придет – барин рассудит”);
- умеренное геополитическое или геоэкономическое внешнее давление, достаточное для сплочения центров силы, но недостаточное для разрушения коалиции [Collins 1999];
- успешный совместный опыт противостояния внешнему давлению, легитимирующий коалицию центров силы, но без “полного триумфа”, чреватого сосредоточением легитимности и власти в руках одного центра силы, персонифицированного лидера, которому приписана победа [ibid.];
- политическое влияние масс собственников, считающих наличие коалиции центров силы более безопасным и перспективным для себя, чем захват и полная централизация власти одним из центров силы.

Процедурные факторы, или нормы *второй развилки*, которые должен содержать договор между центрами силы (2Б):

³ Разговор о четвертой и пятой развилках в применении к России представляется сейчас по крайней мере преждевременным.

- общий отказ от силовых методов и практики использования правоохранительных органов в политической борьбе;
- общее согласие относительно сохранения проигравшего в качестве игрока на политической сцене, запрет на притеснение проигравших;
- общая поддержка центрами силы системы независимых судов, запрет на оказание давления на судебные органы, подкрепленный взаимным контролем центров силы (движение к разделению властей – *первый этап конституционалистской стратегии*).

Структурные условия *третьей развилки*, способствующие переходу к публичной политике как к *честной игре* по формальным правилам, где результаты выборов не предопределены и на их основе происходят реальные ротация и перераспределение власти (3А):

- дискредитация закрытых сговоров среди самих центров силы, осознание недостаточной легитимности и надежности полученной таким образом власти, особенно если для проведения реформ понадобится апелляция к внешним группам;
- дискредитация несменяемой власти среди центров силы в пользу регулярной ротации (несменяемая власть всегда стремится укрепить себя и ослабить выдвинувшие ее центры силы вплоть до их полного уничтожения, тогда как обязательная ротация позволяет им сохранять свое влияние);

- дискредитация попыток верховной власти изменить законодательство и правовую систему в свою пользу;

- высокие издержки взаимного контроля и опасности подковерной борьбы между центрами силы в сочетании с наглядными примерами более низких издержек при распределении власти по открытым формальным правилам;

- существенное давление со стороны общества, прежде всего, представителей бизнеса, интеллектуальной элиты, масс-медиа, отказывающихся в легитимности любой власти, утвердившейся в результате сговора, и требующих открытых дискуссий и честных выборов;

- наличие в самих центрах силы лидеров с высоким потенциалом и амбициями относительно выигрыша в публичной политике.

Процедурные факторы, или нормы *третьей развилки*, которые должен содержать договор между центрами силы (3Б):

- согласие относительно самостоятельности и независимости от верховной власти законодательного органа (парламента);

- обязательная регулярная ротация власти, запрет на продление сроков и прочие уловки (*второй этап конституционалистской стратегии*);

- согласие относительно процедур передачи и перераспределения власти по результатам выборов, а не по сговору (*третий этап конституционалистской стратегии*);

- запрет на использование административного ресурса, защита свободной прессы и независимых судов, стоящих на страже справедливой предвыборной борьбы – *честной игры*.

Основной же принцип обновленной политической культуры, состоит в следующем: *договоры заключаются, чтобы их выполнять, а не чтобы искать в них лазейки для обмана.*

Тема политической культуры населения России выводит на более общие и весьма нелицеприятные вопросы о качестве “человеческого капитала”, о

доминирующих социальных типах и политических установках нынешних поколений. Социологи выделяют следующие особенности “постсоветского человека”: пассивность, двоемыслие, неспособность к самоорганизации и договорам, потребительская направленность, безответственность, завистливость, агрессивность, неспособность к упорной целенаправленной деятельности при отсутствии принуждения, приспособление через снижение требований к себе и окружению, цинизм, отсутствие идеалов в сочетании со склонностью к блефу, имперской гордыне, ксенофобии и т.д. [Гудков 2004; Левада 2006; Дубин 2008]. Возможно, социологи сгущают краски, но учет этих особенностей и работа по преодолению слабостей “постсоветского человека” представляются необходимыми для любой серьезной социально-политической стратегии.

Положение усугубляется несимметричностью альтернатив в каждой развилке. Любой “негативный” выход — к восстановлению авторитаризма — прост, привычен, не требует особых усилий и затрат и представляет собой соскальзывание в традиционную историческую “колею” (см. рис. 1). Любой “позитивный” выход — к реальной демократии — сложен, непривычен, требует значительных нравственных, интеллектуальных, волевых, организационных усилий, определенного отказа от материальных выгод. Это — как преодоление высокого барьера, подобного горному перевалу и требующего от идущих слаженной, напряженной работы в единой связке.

ПОВЕСТКА ДНЯ ДЛЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Формирование коалиций и налаживание коммуникации. Ни одиночки, ни уличные толпы не способны конструктивно и эффективно влиять на политическую жизнь. Ставка должна делаться на группы, сети и коалиции. Фокус кристаллизации таких групп и коалиций, в общем, известен, это — пересечение интересов, проблемы и вызовы, открывающиеся возможности для кооперации. Важную работу по “инвентаризации” разнообразных общественных интересов и возможных коалиций начали экономисты, объединившиеся в группу СИГМА [Коалиции для будущего 2007].

Теоретическое осмысление ушло далеко вперед по сравнению с практической реализацией. Тормозящим фактором выступает не только пресловутая пассивность и неспособность постсоветских людей к самоорганизации, но и жесткое противодействие любым попыткам самоорганизации со стороны центральной и местных властей. Нарастание кризисных явлений, вероятно, будет способствовать изменению ситуации: власть вынуждена будет осознать необходимость обращаться за поддержкой не к аморфной и равнодушной “телевизионной массе”, а к самостоятельным и сильным общественным структурам.

Реабилитация в общественном сознании политики и демократии — именно на это должна быть направлена просветительская работа. Известный стереотип “политика — грязное дело”, широко распространенный среди населения и правящей элиты, оправдывает полную политическую пассивность первого и безответственность, вседозволенность второй. Нужно вернуть политике присущий ей со времен античности ореол публичного честного состязания сильных и талантливых личностей — подвижников и патриотов. Придется возвращать в позитивный политический дискурс и слово “демократия”, траги-

чески подпорченное разочарованиями 1990-х годов. Ссылки на западное процветание уже не помогут. Главный ход — связать решение насущных проблем разных социальных групп с необходимостью самоорганизации, повышения ответственности власти перед населением, утверждения независимых судов, расширения возможностей самоуправления, роста влияния граждан на законодательный процесс, что, собственно, вкуче и означает демократию.

Вовлечение студенческой молодежи в гражданские и демократические практики. Окно возможностей для существенных демократических преобразований, по разным оценкам, откроется к концу 2010-х или даже 2030-х годов. Определять вектор развития страны будут нынешние студенты и школьники. Студенчество — главная целевая группа, поскольку это будущие специалисты, средний класс, лидеры во всех сферах общественной жизни. Обретенный в студенчестве опыт самоорганизации, участия в переговорах, политической деятельности непременно будет востребован и во взрослой жизни.

Смягчение и модуляция надвигающегося системного кризиса. Кризис — не благо, но закономерная расплата за неэффективную авторитарную политику. Слишком суровый кризис чреват насилием, беспорядками, что при любом исходе — сохранении или смене власти — приведет только к более жесткому авторитаризму, а, следовательно, к снижению качества конкуренции и масштаба участия (см. рис. 1).

Власть в привычном режиме “пожаротушения” будет прилагать усилия к преодолению кризиса, замораживанию “стабильности”. Требуемая модуляция грядущего кризиса (предположительно с 2012-2015 гг.) состоит в дискредитации авторитарно-принудительных подходов (типа запрета на повышение цен и ужесточения бюрократического контроля) в сочетании с продвижением альтернативных демократических подходов. Последние предусматривают развитие конкуренции, формирование новых коалиций и институтов, социальное партнерство, сотрудничество самостоятельных центров силы и т.д. Необходимо развивать практики горизонтальных переговоров и создавать многосторонние и равноуровневые коалиции для решения проблем и реализации новых возможностей.

Наконец, открывается обширное поле для идей и практик, направленных на *формирование условий для успешного прохождения развилок*.

Итак, следует готовиться к стайерской дистанции, осознавая глубокую пропасть, отделяющую страну от реальной демократии, но, не теряя надежды, менять стереотипы поведения на гражданские, формировать коалиции для решения насущных проблем, — и, тем самым, закладывать условия для позитивного прохождения будущих развилок, готовиться достойно встретить системный кризис и не упустить очередной исторический шанс.

Аузан А.А. 2004. Вертикальный контракт неустойчив. — *Отечественные записки*, № 6.

Аузан А.А. 2007. Выступление на молодежном семинаре “Я-Думаю” 23 ноября 2007 г. — <http://www.sovetpamfilova.ru/made/news/10022005/11853.php>

Белусов А. 2005. Долгосрочные тренды российской экономики (Сценарии экономического развития России до 2020 года). — <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=1007&ids=117>

Гайдар Е.Т. 2006. Авторитарные режимы: причины нестабильности. — *Общественные науки и современность*, № 6.

- Гельман В.Я. 2001. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории. — *Полис*, № 1.
- Гельман В.Я. 2007. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе). — *Полис*, № 2.
- Гудков Л. 2004. *Незативная идентичность. Статьи 1997-2002*. М.: Новое литературное обозрение, “ВЦИОМ-А”.
- Даль Р. 2003. *Демократия и ее критики*. М.
- Десягин М.Г. 2005. *Россия после Путина*. М.
- Дмитриев М. 2007. Россия-2020: долгосрочные вызовы развития. (Стенограмма лекции в клубе “Билингва”). — <http://www.polit.ru/lectures/2007/12/21/dmitriev.html>
- Дубин Б. 2008. Культуры современной России. (Стенограмма лекции в клубе “Билингва”). — <http://polit.ru/lectures/2008/01/31/culture.html>
- Дубовцев В.А., Розов Н.С. 2007. Природа “Русской власти”: от метафор к концепции. — *Полис*, № 3.
- Карл Т.Л., Шмиттер Ф.К. 1993. Пути перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе. — *Международный журнал социальных наук*, № 3.
- Коалиции для будущего*. 2007. СИГМА. М.
- Левада Ю. 2006. *Ищем человека: Социологические очерки 2000-2005*. М.: Новое издательство.
- Липсет С., Сен К.-Р., Торрес Дж. 1993. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии. — *Международный журнал социальных наук*, № 3.
- Локк Дж. 1988. *Соч.* В 3 т. Т. 3. М.
- Мельвиль А.Ю. 1999. *Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты)*. М.
- Меркель В., Круассан А. 2002. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I). — *Полис*, № 1.
- Мизес Л. 2001. *Либерализм в классической традиции* (Пер. с англ. А.В.Куряева). М.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 1999. Русская Власть и Реформы. — *Pro et Contra*, т. 4, № 4.
- Пшеворский А. 2000. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.
- Розов Н.С. 2006. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? — *Полис*, № 2.
- Рыженков С.И. 2006. Динамика трансформации и перспективы российского политического режима. — *Неприкосновенный запас*, № 6 (50).
- Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. М.
- Яковенко И. 2002. Дезинтеграция РФ: сценарии и перспективы. — *Отечественные записки*, № 6.
- Besley T., Kudamatsu M. 2007. Making Autocracy Work. — *Development Economics Discussion Paper Series*, № 48, May.
- Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R.M., Morrow J.D. 2003. *The Logic of Political Survival*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Collins R. 1999. *Macrohistory: Essays in the Sociology of the Long Run*. Stanford Univ. Press.
- Przeworski A. 1988. Democracy as a Contingent Outcome of Conflicts. — Elster J., Slagstad R. (eds.). *Constitutionalism and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rustow D. 1970. Transitions to Democracy: Toward a Dynamics Model. — *Comparative Politics*, vol. 2, № 3.
- Weingast B. 1997. The Political Foundations of Democracy and the Rule of Law. — *American Political Science Review*, vol. 91, № 2.